

«МӨҢГІЛІК ЕЛ»
ҰЛТТЫҚ ИДЕЯСЫНЫҢ
XIX ҒАСЫР ӘДЕБИЕТІНДЕГІ
КӨРІНІСІ

Ұжымдық монография

ӘОЖ 94 (574) КБЖ 63.3 (5 Каз)

М 33

4541 МҚ/4 «Қазақ әдебиетіндегі ұлттық идея және «Мәңгілік Ел» идеясы көрініс табуының көркемдік мәні мен жаңашыл сипаты» ғылыми жоба бойынша дайындалған монография

Жалпы редакциясын басқарған ф.ғ.д., профессор **Ө. Әбдиманұлы**

Пікір жазғандар:

филология ғылымдарының докторы, профессор **Т. Тебегенов** филология ғылымдарының докторы, профессор

Қ. Мәдібай филология ғылымдарының докторы, профессор **А. Жақсылықов**

М 33 «Мәңгілік Ел» ұлттық идеясының ХІХ ғасыр әдебиетіндегі көрінісі: ұжымдық монография /
Ө. Әбдиманұлы, Ж. Дәдебаев, А.Б. Абдулина, Ш.А. Шортанбаев. Жалпы ред. басқ. ф.ғ.д.,
профес-сор Ө. Әбдиманұлы. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 178 б.

ISBN 978-601-04-2646-7

Зерттеу еңбекте ХІХ ғасырдағы қазақ ақындарының шығармашылығындағы ұлт тағдырына байланысты ұстанымдары ұлттық идея, «Мәңгілік Ел» идеясы тұрғысынан арнайы қарастырылды.

Қазақ елінің еркін өмір сүруіне ерлігімен де, отты жырларымен де қуат берген, тарихи дәуірлер тоғысында Ресей мемлекетінің бодан ету арқылы отарлау, Қоқан, Хиуа хандықтарының озбырлық саясат ұстану кезеңдеріндегі «Мәңгілік Елдікке» ұмтылған тәуелсіздігіміздің ту ұстарлары Махамбет, Дулат, Шортанбай, Нысанбай, Абай, т.б. шығармашылық тұлғаларымыздың жыр-толғауларындағы елдік мүдде мен ұлттық мұрат басты орынға қойылды.

Ұжымдық монографияда ХІХ ғасырдағы қазақ әдебиетіндегі ұлттық идеяның көрініс табуы зар заман ақындарының шығармашылығында және одан кейінгі кезеңдегі Абай заманында кең арнаға айналғаны айқындалып, ұлт тағдырына алаңдаған шығармашылық иелерінің туындылары нақты зерттеу нысанына айналған.

Монографиялық зерттеу филология факультеттерінің оқытушылары мен докторанттарына, магистранттары мен студенттеріне, жалпы әдебиет сүйер қауымға арналған.

ӘОЖ 94 (574) КБЖ 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-04-2646-7

МАЗМҰНЫ

КІРІСПЕ.....	3
ЗАР ЗАМАН ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ҰЛТТЫҚ ИДЕЯ.....	
МАХАМБЕТ ПОЭЗИЯСЫ – «МӘҢГІЛІК ЕЛ» ҰЛТТЫҚ ИДЕЯСЫНЫҢ АЛТЫН ТҰҒЫРЫ.....	
МӘҢГІЛІК ЕЛ ИДЕЯСЫНЫҢ АҚЫН-ЖЫРАУЛАР ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ САРЫҢДАРЫ.....	
АБАЙ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ ЕЛ БОЛАШАҒЫ ТУРАЛЫ ЕРЕН ОЙЛАР.....	
МӘҢГІЛІК ЕЛ ИДЕЯСЫНЫҢ ХІХ ҒАСЫР ӘДЕБИЕТІНДЕГІ КӨРІНІСІ.....	
ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ «МӘҢГІЛІК ЕЛ» В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ КУНАНБАЕВА И ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА.....	120
ҚОРЫТЫНДЫ.....	136

Абдулина А.Б.

Эволюция национальной идеи «Мәңгілік Ел» в творчестве гениев казахского народа – Абая Кунанбаева и Чокана Валиханова

*"Мәңгілік Ел" – это общность
Истории, Культуры и Языка*

*(Из «Патриотического акта "Мәңгілік Ел",
принятого на XXIV сессии Ассамблеи Народов Казахстана)*

Патриотическая идея «Мәңгілік Ел» [1], принятая на XXIV сессии Ассамблеи Народов Казахстана, выступает как фундаментальная основа, призванная определить историческую преемственность и всеобщую связь поколений, вне которой нет будущего ни для народа, ни для государства. В основе «Мәңгілік Ел» – простые, понятные и самые ценные для каждого из нас истины: благополучие, гостеприимство и трудолюбие, стабильность, безопасность и единство, уверенность в завтрашнем дне. «Жизнь народа прирастает с каждым следующим его поколением. Поэтому нет мечты выше, чем мечта о Вечности Народа. «Мәңгілік Ел» – это идея, которая открывает завтрашний день, выражает веру в будущее, это символ необратимой и прочной стабильности» [2] «Казахам и представителям других народов, проживающим на территории нашей страны, удалось сохранить свою культурную самобытность. Всеказахстанская идентичность должна стать стержнем исторического сознания нашего народа», – так сформулирована базовая концепция Стратегии «Казахстан-2050» в Новом политическом курсе государства. [3]

Традиционная духовная культура казахского народа сформирована из наследия предыдущих тысячелетий, интерес к которым в эпоху обретения независимости неизмеримо вырос, охватывая многие страницы истории государства. Творчество писателей, мыслителей, поэтов Великой Степи особо значимо органичным единством универсалий поэтического видения мира и его философским осмыслением. Среди множества имён имя великого Абая и его уникальное наследие представляют собой замечательное явление в истории мировой культуры, изучение которого породило одну из ветвей современной науки — абаеведение. Многочисленные труды в этой области посвящены непреходящей ценности творчества великого казахского писателя-просветителя. В XXI-й век, век становления и развития суверенного Казахстана, особое значение приобретают философия «вечных истин», о которых говорил великий Учитель казахского народа, сама жизнь и труды великого Абая, являя собой платформу национальной идеи «Мәңгілік Ел», составленную на основе интеграции духовного опыта казахского народа с общечеловеческими ценностями. Этой теме посвящена предлагаемая публикация.

Интерес представляют современные оценки трудов Абая, углубившие понимание значимости и первостепенности многих аспектов философского провидения писателя-мыслителя. Речь пойдет о «Словах назидания»,

созданных им в последние годы жизни и состоящих из 45 Слов, разных по объему и стилю. В дословном переводе с казахского название переводится как Черные Слова (Қара сөздер), в определенном контексте предполагающие критику писателем негативных качеств своих соплеменников. За годы жизни Абай, осознавая и понимая, что сам не сможет устранить их, решается написать об этом, совершенно очевидно имея в виду собственную жизнь и её смысл. Известный философ, поэт, писатель Ауэзхан Кодар заметил: «Этюды Абая Кунанбаева нельзя назвать ни «Словами назидания», ни «Книгой слов», ибо они не имеют ничего общего ни с исламским жанром поучений, ни с Библией или Кораном. Это сочинение человека, обладающего историческим мышлением, и потому понимающего, что время пророков прошло и настала эпоха хакимов, или знающих. А хакиды – это те, кто мыслит. Поэтому его произведение следует переводить как «Размышления, или монологи», где первое слово означает название, а второе – жанр прозаических этюдов». [4,386]

«Размышления» Абая – это культурологическое произведение, где казахи XIX века рассмотрены на широком фоне этнографических, исторических, религиозных, ментальных и иных сопоставлений с другими народами, что позволяет автору рассмотреть их без контуров национальной спеси и шовинистической тенденциозности». [4,386]

Несомненно, мнение нашего современника – еще одно свидетельство правоты ученика Абая, достойного его продолжателя, Мухтара Ауэзова, утверждавшего, что философская мысль Учителя «набирает новую мощь» в новые времена.

Чтение и детализация смысла, заложенного в монологах Абая, приводят к выводу о четко выраженной концептуально-авторской системе, согласно которой писатель излагает смысл жизни, перебирая такие варианты, как правление, умножение материального богатства, науку, богослужение, воспитание детей и внуков и его мыслительный труд. Всё, кроме последнего, кажется автору бессмысленным и неподходящим, поэтому он решает писать, что в итоге выливается в Слова Назидания.

Охватывая, в целом, структурно-смысловые части текста, выстраивается следующая достаточно стройная сфера активной социальной деятельности, которая должна была быть принята народом кочевой степи. Мысли автора становятся единицами индивидуального сознания, приобретая функциональную значимость мощного катализатора возрождения высокой духовности. Какие же конкретные вопросы и аспекты мировидения и мироистолкования ставились Абаем? Только простое их перечисление уже говорит об авторе, как о личности неординарной, смелой, активной. Чем следует заниматься? Как прожить оставшуюся жизнь? Отчего слова окружающих могут быть неискренни, а они сами одержимы властолюбием? Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу. Начало успеха – единство, основа достатка – жизнь. Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн вселенной, не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. Есть ли у человека что-либо, драгоценнее его сердца? [5]

Не секрет, что Абай значительно усилил остроту критических замечаний, относимых к людям неправедным, далеким от Бога. Концепт «Бог» в прозе Абая относится к числу доминирующих, базовых по своей активности и значимости. Завершающее 45-е Рассуждение красноречиво свидетельствует:

«Доказательством существования единого и всемогущего Бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога и сколько бы ни было религий, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость. Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы – служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего. Начало человечности – любовь и справедливость». [5, 192]

Резюмирующая экспликация концепта «Бог» помещена в 38-м Слове: «Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из его ликов... Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем его делам, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: Жизнь, Наука, Могущество, Зоркость, Чуткость, Желание, Слово, Созидание. Создатель наделил человека этими восемью ликами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам обладает». [5, 195]

Совершенно очевидно, что философско-нравственная сфера мыслителя, писателя, поэта Абая органично вписывается в систему общечеловеческих ценностей. Так, в 17-м Слове лики персонифицируются и становятся персонажами притчи, в которой Воля, Разум и Сердце обращаются к Науке, чтобы разрешить спор: кто из них важнее? [5, 172] «В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот — мудрец, тот — учен. Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию разумом».

Используя традиционную для философских трудов форму притчи, автор создает картину вымышленного полемического диалога, в котором читатель познает идеализированное представление о человеческих достоинствах, качествах и деяниях, выраженных в речи Науки, обращенной к Воле и Разуму: «Вам следует объединиться и во всем повиноваться Сердцу». Таким образом, Абай признает Сердце доминирующим признаком человечности, божественной субстанцией как проявлением Всевышнего, которое соединяет Волю и Разум, устремленные к Богу и являющее тем самым его лик. Несомненно, Сердце выступает своего рода медиумом, соединяющим высоты духовного развития человека, являясь при этом единственной обителью Бога. Абай убежден, что нравственность человека зависит от того воспитания, которое он получил. В «Словах назидания» неоднократно подчеркивается эта мысль, а в стихах поэт пишет:

«Чтоб человеком ты был,
Ты пятерых побори:

Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
Разум и доброта,
Упорство, скромность и труд,
Доверься — не подведут» [6, 169].

Размышления Абая великолепны удивительной мощью мысли и интеллекта. Отдельные Слова поражают точностью и знанием мельчайших деталей, красотой и изяществом сюжета. 27-е Слово – разговор Сократа и Аристодема о служении всемогущему Создателю мастерски отвечает главному началу всей философии Абая. В беседе Учителя и Ученика явственно звучит сентенция, обнаруживающая особое созвучие с возвышенной духовностью античной эпохи, о чем гласит следующая цитата из текста:

«Подумав, Аристодем признал, что Создатель поистине всемогущ, и создавал свои творения с огромной любовью.

- Тогда скажи мне, все живое, что создано, питает нежную любовь к своему детенышу, все живое ненавидит смерть, старается прожить как можно дольше, заботится о продлении рода. Все создано для жизни и продолжения ее. Разве не из любви Бог создал их любящими, созидателями жизнь?

- Эй, Аристодем, - продолжал Сократ, - как ты можешь думать, что кроме тебя, человека, никто не обладает разумом? Разве не напоминает человеческое тело крупицу земли, по которой он ходит? Разве влага твоего тела - не капля всей земной влаги? Откуда у тебя разум? Откуда бы он ни был, только благодаря душе, данной тебе, ты стал вместительным столь высокого разума. Ты только видишь совершенство, цельность и гармонию закона, по которому создана природа, видишь, поражаешься, но не охватить тебе сознанием того, что видишь.

Как ты думаешь после этого, природа — бесцельное порождение случая или создание Творца — обладателя неизмеримого разума? Если не волей разума, то силой нерушимой закономерности, соизмерившей благоразумие и назначение всего созданного, объясняется тайна, которая не подвластна человеческому сознанию».

Несомненно, подобная включенность в иное время иной культуры – не дань некоей механической актуализации прецедентных имен, сколько творческая интенция, расширяющая рамки культурного ареала вплоть до мирового философского интекста:

«Бог наделил человека высоким разумом и поместил этот разум в столь совершенное, гармонически сочетающее в себе духовную мощь и нравственную красоту тело, - доказательство того, что Бог создал человека, заботясь о нем. Разве после этого человечество не обязано поклоняться Богу?» [5, 139].

Замечательны слова Абая на другие темы, в той или иной степени затрагивающие самые насущные вопросы:

«Хочешь быть богатым — учи ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение — нет. Тот, кто продает плоды своего ремесла без обмана, в народе считается святым. Но тех, кому Бог даровал хоть какое-нибудь ремесло, не минуют и пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, чтобы перенять их опыт и не стремятся достичь большего мастерства. Довольствуясь тем малым, что имеют, считают, что этого вполне достаточно и предаются лени. Во-вторых, нужно трудиться неустанно. А им стоит приобрести два-три головы скота, как они начинают воображать себя утопающими в благополучии, начинают бездельничать, чваниться, дело свое делают спустя рукава.

В-третьих, стоит кому-нибудь обратиться к ним с просьбой: «Ты братец,- умелец, ты щедр» или «Что тебе стоит сделать для меня то-то и то-то», как они начинают думать с самодовольством, что дожили до дней, когда люди начали обращаться к ним с просьбами. Возгордясь, поддавшись лести, они теряют свое драгоценное время, дают повод торжествовать лукавому льстецу». [5,139]

Почему так происходит? – задает вопрос автор и отвечает на него, как и на многие другие, достойно и аргументированно.

Подытоживая наблюдения, изложенные выше, следует остановиться, прежде всего, на том, что творчество великого Абая созвучно идеям и вызовам сегодняшнего дня. Патриотическая идея «Мәңгілік Ел», базирующаяся на многовековой мечте казахского народа о справедливости и социально-нравственном прогрессе, заключающаяся в потребности сохранения своей идентичности, историко-культурных ценностей и национального духа, как никогда актуализировала лучшие достижения казахского народа и стремление развития нравственных ориентиров и интеллектуального потенциала для осуществления и реализации Программы закрепления своей роли в мировом сообществе. На первом месте в данном направлении несомненно стоят вопросы исторического сознания и духовности. Те ориентиры, которые когда-то были заложены трудами и усилиями гениев Казахстана –Абаем Кунанбаевым, Чоканом Валихановым, Ибраем Алтынсариным, и многими другими, четко и ясно определяют содержание платформы идеи «Мәңгілік Ел».

В избранном контексте нами поставлена цель – исследовать концепцию Чокана Валиханова по отношению к устному словесному искусству, как детерминанте национальной идентичности в аспекте патриотической идеи «Мәңгілік Ел». В связи с поставленной целью следует отметить, что само понятие идентичности, содержательность и концептуальность данного термина рассматриваются как в широком, так и в узком аспектах. Словарь «Collins Cobuild» [7] определяет идентичность, как «совокупность качеств, убеждений и идей, позволяющих индивиду почувствовать свою отличность от остальных или принадлежность к конкретной группе». При этом подчеркивается, что идентичность – понятие достаточно многозначное, означающее самосознание индивида или группы, где чувство одного

человека актуализируется как ощущение целостности / тождественности самому себе, или как чувство отличности себя от остальных в группе. Под национальной же идентичностью понимается чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида. [8] Особо подчеркивается, что национальная идентичность формируется на основе господствующей парадигмы на пересечении национально-исторической, социально-психологической, социокультурной, политико-культурной и др. сфер. В её содержание входят установившиеся особенности национальной культуры, этнические характеристики, обычаи, верования, мифы, нравственные императивы [9,18]

Следуя Де Фреде, концепт идентичности тесно переплетается с двумя понятиями – культуры и цивилизации. [10,18.] Необходимо уточнить основополагающее начало, без которого не могут существовать ни культура, ни цивилизация. Это духовная традиция, поэтически выраженная в устном народном искусстве слова, понимание истинной ценности которой заложено в трудах писателей, мыслителей и ученых, значительное место среди которых занимает национальная культурная элита. В Казахстане она представлена плеядой выдающихся деятелей – Абай, Валиханов, Ауэзов, Нурпеисов, Мусрепов, Сулейменов и многие другие. Несомненный интерес вызывает изучение их деятельности в избранном направлении, начиная с наиболее ранних страниц истории вопроса и завершая сегодняшним днём. Так, исследованию творческого пути казахского ученого, путешественника, фольклориста, просветителя, историка Чокана Чингизовича Валиханова посвящены труды разных лет и научных сообществ [11] В них затронуты вопросы содержания сочинений Валиханова, упорядочены события, повлиявшие на становление научных интересов гениального юноши, получившего великолепное образование и посвятившего себя не только военной службе, но и науке, в частности, проблеме национальной идентичности через посвящение инициативных изысканий истории и культуре кочевого казахского народа. Особое внимание исследователей привлекали необходимые в контексте научных вопросов репрезентации казахского фольклора непосредственно жанровые характеристики впервые открытых науке произведений устного геноза, бытовавших в казахской кочевой цивилизации.

Вспомним слова соратников, прозвучавшие со страниц собрания сочинений, изданного в начале XX столетия в Санкт-Петербурге: «Как блестящий метеор, промелькнул над нивой Востоковедения потомок киргизских ханов и, в то же время, офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов». [12, 30] Многие труды талантливого ученого остались в виде черновых набросков, исключение составляло опубликованное путешествие в Кашгар. Благодаря усилиям таких подвижников науки, как Н. И.

Веселовский, собрание сочинений Валиханова увидело свет в 1904 году под грифом Императорского Русского Географического Общества.

Публикация трудов Ч. Валиханова позволяет увидеть, какое место уделялось им устной традиции для освещения неизвестных страниц жизни казахской степи. Историческая наука современного ему века отмечала неординарность, уникальность личности Чокана Валиханова, в трудах которого впервые ставились вопросы, не имевшие аналогов в мировой науке того времени.

Чокан Валиханов – неутомимый собиратель и талантливый исследователь фольклорных произведений и письменной поэзии казахского народа. Среди известных трудов ученого особое место занимают материалы, связанные с устным поэтическим наследием казахского народа. Записи сделаны самим Валихановым и, как показывает содержание таких работ, как «Следы шаманства у киргизов», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Исторические предания о батырах XVIII века», «Древности», «Язык», «Самородная словесность» и других, составляют основу концепции всей научной деятельности выдающегося мыслителя. Ученый приводит и исследует множество народных поэм, сказок, легенд, преданий казахского народа. «Народ наш имеет богатую и не лишенную поэтических достоинств замечательную литературу»,— писал Ч. Валиханов.

Анализ аргументированной фактическими данными концепции ученого относительно истории, этнографии, специфики исследованных им сфер жизни народонаселения, политической системы и состояния родного края и дальних пределов Азии, показывает, как устное слово вовлекалось в научную картину истории и культуры народа, раскрывая тончайшие оттенки духовности и менталитета нации. Исследование творчества Чокана Валиханова в аспекте заявленных положений Патриотического акта "Мәңгілік Ел" позволяет уяснить, каковы основы идеи, заложенные более двух столетий назад.

Обращение Валиханова к фольклору, прежде всего, как к важному источнику постижения истории, аксиологии и духовной культуры казахского этноса, наиболее полно соответствует главному вектору "Мәңгілік Ел" – «бережно относиться к нашему общему историческому наследию, преумножать культурное многообразие народа Казахстана». [1]

Предисловие Валиханова к работе «О формах казахской народной поэзии» во многом объясняет принцип подхода автора к народным творениям. Главным, с его точки зрения, жанром является *джир (жыр)*¹ [12], который ученый употребляет как в значении *жанра*, или поэтической *формы* устной словесности, так и в значении собственно *жыра*, или героико-исторического сказания. «Джир собственно значит рапсодия. Глагол *джирламак* значит говорить речитативом. Все степные джиры

¹ Здесь и далее: сохраняется написание источника

обыкновенно поются речитативом под аккомпанемент кобыза, – уточняет автор. [12, 225]

Свой труд автор начинает довольно необычно для научного исследования:

«Песнь, путешествуя по миру, однажды остановилась ночевать в стойбищах каракалпаков, по ту сторону р. Сыра. Весть о прибытии невиданной и неслыханной гостьи разнеслась с быстротою стрелы во все стороны. Бесчисленное множество каракалпаков, собравшись в счастливом ауле, слушали дивную гостью с самого начала вечера и до самой утренней зари, пока, наконец, Песня устала и легла спать. Тысячи рассказов, повестей, песен и историй голосистой гостьи сохранили в памяти бесчисленные каракалпаки. Киргизы и тухменцы, стоявшие далеко вверх по р. Сыру на краю стойбища, все родные племена тогда кочевали вместе,— прибыли поздно ночью и слышали только окончание чудных звуков». [12, 304]

Это лирическое вступление к исследованию жанра говорит не только о научном таланте, но и о литературном даровании Валиханова. Потому все последующие опыты работы с народными произведениями представляют собой не только впервые сказанное научное заключение о сути и специфике казахской устной традиции, но и подтверждение тому, что фольклор играет роль образующего фактора, объединяющего в единую систему самые разные проявления и элементы мировой и, в данном случае, казахской культуры в качестве детерминанты национальной идентичности.

Потанин, характеризуя Валиханова и его опыт работы, писал: «Народ он свой любил. Это бесспорно... И служить будущему своего народа было его мечтой. Рассказы об истории он оживлял отрывками из киргизских песен, пояснениями посредством поговорок, народных преданий, народных обычаев и обрядов». [13, XXXI]

Так, например, повествование об исторических лицах сопровождалось монологами и диалогами персонажей, рельефность характеров оттачивалась живым образным словом:

«У Тохтамыш, находившегося в Кюкюлькюле, сердце дрогнуло, копьё закачалось, в озере вода всколыхнулась, птица-чибис закричала, а Тохтамыш, испугавшись, плача и жалуясь, запел: «Не стой спокойно на пастбище, Гнедко! Когда я проеду на тебе без отдыха день и ночь, – настоишься; напрасно не колотись, удрученное сердце! Когда мы сшибемся один на один с Идиге, я успокоюсь! Не шатайся, моё белое копьё, при кровавой встрече ты сломаешься. Напрасно растешь ты, Кокурай, трава зелёная, напрасно шумишь ты, колыхаемая ветром. Если после этой встречи я жив останусь, я приду сюда с великим ногайским народом, и богачи мои, раз прикочевавши, примнут тебя к земле своими стадами и табунами. Не волнуйся, глупое озеро! Если раз только мы напоим в тебе табуны наши, то ты сделаешься грязным болотом. Не кричи ты, чибис птица, уйми свой голос, бедная птица, сложи свои крылья ...!» [12, 259]

Показателен следующий фрагмент:

«Эй, Нуралин, Нуралин! Не сбудутся твои желания – посмотри на эти четыре звезды, поднявшиеся высоко на небе! Они предсказывают то, что придет время, когда снова в народе будет властвовать храбрый султан. Сзади тебя вошли шесть звезд; будет время, и над тобою ты увидишь повелителя. Сзади тебя шесть звезд, как шесть непобедимых богатырей, четыре звезды обещают скорый рассвет. Сзади тебя гора Алатау, придет время, что через эту гору придет батыр...» [12, 259]

В приведенных фрагментах присутствует символическая описательность предметов и явлений, не столько зримо воспринимаемая, сколько повествовательно ёмкая, передающая высокую преемственность в вопросах нравственности и духовного совершенствования личности. Устное поэтическое слово выполнило важнейшую функцию – передачи сквозь время и призму истории мировоззренческих позиций менталитета нации, поэтического видения и идеалов, богатства духовной жизни народа в целом. Особая фольклорная картина мира составляет основу базовой концептосферы, отражающей национальное мировоззрение, строй образного народного мышления, где сказываются наиболее древние пристрастия к одухотворенным и зооморфным образам природы, в силу и действия которых верили – отсюда такая проникновенность образов звезд, воды и озера, птиц, травы, ветра.

Присутствие скрытой магической доминанты, поэтической символики заговора («Не шатайся, моё белое копьё, при кровавой встрече ты сломаешься»; «Напрасно растешь ты, Кокурай, трава зелёная, напрасно шумишь ты, колыхаемая ветром»; «Они предсказывают то, что придет время...»; «Сзади тебя шесть звезд, как шесть непобедимых богатырей, четыре звезды обещают скорый рассвет») фокусирует суть системы изобразительных средств, раскрывая одну из её составляющих – обращенность к живой и неживой природе в форме монолога, содержание которого демонстрирует пристальность внимания, созерцательность, свойственные казаху-кочевнику.

Далее в работе «О формах казахской народной поэзии» Валиханов приводит фрагменты эпического жыра «Идыге батыр» и дает характерное описание одного из великолепнейших произведений:

«Джир Идыге по событиям относится к концу XIV века, но должен быть составлен в начале XV. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре между простым народом, вошли в употребление слова из этих языков.

«Самый замечательный исторический джир киргизский, - пишет Валиханов, - это Идиге, тот самый Идиге, Эдеку и Идигей, о котором говорится в ярлыке Тохтамыша, тот самый бек-mangab и темник, который разил Витовта при Ворскле и управлял ордой безотчетно при четырех ханах.

Урак, Ир-Кокче, Ир-Косай - герои других эпических поэм, также из времени первого ногайского народа, но джиры их замечательны только по любопытному описанию племенных волнений, ханских битв, батырских набегов в смутную после тохтамышевскую эпоху ордынскую». [12, 224]

Ученый скрупулезен в деталях, касающихся темы, вплоть до предположений, возникающих при этом:

«Кажется, что у нас есть фамилия Ураковых. Джир Урака-батыра знают многие киргизы, но только отрывками. Всю же поэму я слышал однажды в Малой Орде от песенника Нурумбая, он родом Алчин, но почти постоянно живёт в кочевьях кипчаков при султানে Ахмет Джантюрине». [12, 225]

Постоянные обращения к читателю или исследователю, которым будут интересны и необходимы примечания и наблюдения самого Валиханова, выражены в вводных конструкциях, например: «Чтобы дать понятие о мере (размере – А.Б.) стихов, которые употребляются в джирах...», [12, 226] «Вот всё, что при ограниченности моих средств известно мне...» [12, 229] и др.

Как правило, далее следует прямая цитация:

«Я привожу здесь пример:

Ай Идыге сен енди кайтсана.

Кайтупь эдиль утсена,

Енгсеси биікь бозь орда

Энгкііпь саляь берсена,

Эрини джука сар'аякь

Эрь сарыктань ичсена; –

Джавурундары джакталы,

Тюйме баву тартмалы

Устюнге Аль кара кись. [12, 226]

Поясняя особенности языка, Валиханов пишет: «Джир Идыге по событиям относится к концу XIУ века, должен быть составлен в начале ХУ. Это доказывается многими старинными словами и оборотами, которых теперь нет в языке, примечательно также и то, что в целой рапсодии [так определил жанр сам Ч. Валиханов – А.А.] нет ни одного персидского или арабского слова, тогда как теперь с распространением магометанской религии, даже в обыкновенном разговоре, между простым народом, вошли в употребление слова из этих языков». [12, 226]

Значимой в контексте является замечание: «Предметами джира обыкновенно бывают жизнь и подвиги какого-нибудь известного в древности народного витязя. При этом должно заметить, что события жизни витязя, его подвиги, словом всё, что составляет собственно повествование, рассказывается прозой, стихи же употребляются только в то время, когда герой поэмы или главные участвующие в ней лица должны говорить». [12, 227]

Валиханов соблюдает эту традицию, орнаментально выделяя повествовательную прозу и стихотворные фрагменты:

«Привели, наконец, старика тонконогаго, в высокой шапке, весь

высохший, по имени Су-Джирау...Тохтамыш хан приказал подвести его ближе. Наклонившись, вошел в кибитку и, сложа руки, начал петь он протяжным голосом, протяжно поет, джыр говорит:

Стар я, стар я, чего не видел я,
Доживши до такой старости...
Оглянусь ли я на прошлое,
Будет ли польза от гнева?
Испытаю ли будущее,
От угроз и брани
Выйдет ли что-либо?...

Сказав это, опрокинувшись назад, старик умер. Тогда хан Тохтамыш обратился к девяти богатырям и сказал:

Девять богатырей моих,
Девять богатырей!
Все вы, девятеро, поезжайте,
Обманите, уманите
И привезите Идыге...» [12, 246-247]

Весьма важное замечание автора касается следующего: «Поэтические произведения киргиз: эпосы, похвальные оды, плачи – так называется песня по умершим муже жены, по сыну - матери; даже песни импровизаторов имеют рифму и размер и передаются изустно из рода в род, из поколения в поколение особым сословием певцов ахунов, как в древней Греции передавались песни Гомера рапсодами; ахуны эти пользуются особенным уважением народа и похвальными словами богатым султанам и биям наживают себе известность и богатство. Хотя в настоящее время этих ахунов [акынов – А.А.] в степи и много, но они более импровизаторы, и древние джиры по непонятности своей для нового поколения с году на год выходят из употребления, и самих знатоков их остается очень мало. Собрать их также трудно: при всем старании я успел достать полный список Кузу-Курпеча, небольшой отрывок из Едиге и Урака, но, впрочем, надеюсь в скором времени найти все древние джиры от одного знающего их ахуна, с которым познакомился недавно». [12, 230]

Завершающее высказывание Валиханова несколько категорично и, несомненно, преждевременно. Аналогично в свое время прозвучало мнение А.Листопадова, который в 1905 году высказался о завершении активной жизни казачьего песенного фольклора, что оказалось не совсем верным. Вот что записал Чокан Чингисович: «В последнее время моего пребывания в степи джиры почитались уже устарелую формой поэзии. Форма джиров, как и самый кобыз, осталась теперь только достоянием баксы». [12,230] При этом изложение сопровождается пояснительным резюме:

«Кобыз – род двухструнного альта, струны делаются из конских волос и играют на них смычком. Кобыз имеет ту разницу против наших струнных инструментов, что у него нет верхней деки, корпус имеет фигуру круглую,

ручка так вытянута, что струн нельзя к ней прижимать, берутся же разные тоны флажолетом. Вообще это очень трудный и приятный инструмент, хотя он не очень звучен». [12, 233]

Таким образом, исследователем зафиксирован не только текст древнего эпического сказания, но сделаны важные в контексте темы замечания, дающие возможность судить о казахской музыкальной культуре с точки зрения некоего неизвестного источника, говорящего о своеобразии казахского инструмента с позиции сопоставления с «нашими струнными».

После пояснения особенностей джира, Валиханов описывает другие жанры, начиная с «джилав» или прощальную посмертную песнь по усопшему (каз. – жылау – плач). Она традиционно создается женщинами и, как правило, импровизируется, причем размер её подобен джиру. Валиханов отмечает среди известных джилав самые трогательные и известнейшие в Средней орде «Плач матери» ханши Айханым (Айганым Валиевой 1785-1856 (вдовы хана Валия, бабушки Валиханова) о смерти её старшего сына Мамеке и джилав известной впоследствии певицы, созданной ею на поминках мужа.

Далее Валиханов приводит описание следующих распространенных в казахской степи устно-поэтических жанров.

Каим (қайым) – свадебные песни в форме диалога между молодыми людьми и девушками, где вопросы и ответы в форме четверостиший рифмуют первые два стиха с четвертым. Песни заключают в себе загадки, эпиграммы и даже шуточную брань вплоть до цинизма выражений.

Кара-улен (қара өлең) – обыкновенная песня, состоящая из четверостиший, заключающих в себе определенную игру голосом, иногда не имеющую смысла.

Улен (өлең - песня) состоит из четырех стихов, два первые и четвертый суть силлабические, кончающиеся на одну рифму; третий не рифмуют, весьма популярная песня как для импровизации, так и для поэм, введена в употребление певцами Орунбаем, рода караул, отделения атеке-дживир, и слепым певцом Чодже (Шоже) рода атыгай, отделения джана-кыргыз, постоянно находящимися при султানে Абулхаире Габбасове. Предметом этих песен являются чаще всего религиозные сюжеты, как например, подвиги Сеит Батала-ходжи и любовь Юсупа и Зюлейки, жизнь Ибрагима и др. «Форму улена певцы употребляют также для импровизации как самую удобную, к которой они теперь как бы более привыкли. Известная поэма Кузу-Курпеч и Баян-Сулу пересказана мне была знаменитым Джанаком в форме улена» [12, 237].

Валиханов замечает: «Песня (улен) вошла в употребление в киргизской степи не более 50 лет назад, когда степь сделалась доступной тобольским и казанским татарам», [12, 235] т.е. в конце XVIII - начале XIX веков, по мере водворения магометанской религии формы татарской поэзии начали преобладать над первобытной формой кыргызского героического джира, полной гармонии звуков и мыслей.

Таким образом, прямое интерполирование фольклорных произведений в контекст научных заметок составляет как аргументационную базу ученого, так и демонстрирует уникальный материал для познания сути духовной жизни казахского народа. В «Очерках Джунгарии» [12, 41-78] Валиханов дает подробное описание легендарного материала, поставив на первое место генеалогические предания. Помимо песенных образцов, Валиханов использует собственное переложение легенд и преданий, не исключая из полотна текста монологов и диалогов, сопровождая наррацию собственными комментариями.

Например, он приводит варианты легенды о родителях Идыге.

Один из них повествует:

«Однажды Баба-Туклас (святой муж) встретил на берегу моря девицу, которая, прилетев в виде голубя, обратилась в девицу и, сидя на берегу, золотым гребнем расчесывала свои золотые волосы, но лишь только он приблизился к девице на недалекое расстояние, она, увидев его, погрузилась в воду, оставив на берегу голубиную шкуру называемую Кебъ. Это была, по мнению одних, дочь солнца (Кунъ-сулу), другие считают её дочерью духа Албасты.

Оставшись на берегу, Баба-Туклас сказал: разве я не Баба-Туклас Чачты-азизъ, что не могу нырнуть за нею? Сказал и вслед за девицей бросился в воду. Шестдесят белых отавов [юрты - А.А.] стоят под водою, в одном из них сидит девушка, сказал-бы солнце – глаза есть, сказал-бы месяц – есть рот.... Она была такой удивительной красоты. Баба-Туклас, взглянув на неё, бежал, изумленный, назад. Но девушка, схватив за полу, удержала, говоря: куда ты бежишь, джигит? «Я не могу говорить с тобою, отвечал Баба-Туклас, если заговорю, то приму на себя большой грех, лучше пусти меня, я убегу отсюда». Но девушка сказала: «Я искала подобных тебе и нашла, если ты уйдешь отсюда, на мне не женившись, возьмешь на себя еще больше грехов».

Другой вариант легенды:

«Идыге происходит от Баба-Туклас-аза в 9-м колене, отец его был Кутлу-кия (аза). Однажды этот святой муж встретил девицу, которая, прилетев в виде голубя, погрузилась в воду, оставив голубиную шкуру на берегу (это была по мнению одних дочь солнца Кунъ-слу [солнечная красавица – А.А.], другие думают, что это была дочь духа). Кутлу-кия завладел кебаной. «Пусти!! – «Нет!» – «Ты не сумеешь владеть мной». Уговор – не смотри мне на голову, подмышку и на пятки». Далее, делает замечание ученый, как в киргизской первой редакции. [12, 232]

Так, Валихановым впервые были представлены варианты одного эпического произведения, что, несомненно, должно было повлиять на восприятие и осмысление богатства и разнообразия казахских устных творений, в которых отразились глубокие мифопоэтические корни, этические ценности и нормы поведения, специфическое мировоззрение казахов, впитавшее в себя предшествующее наследие предков. Ученый

показал, какова система жанров казахского устного поэтического творчества, описал круг сюжетов, вникая в детали техники создания произведений, что позволило представить самобытную, уникальную картину культурного мира, созданную кочевой цивилизацией.

Материалы, записанные Валихановым, свидетельствуют духовно-нравственных ценностях казахского этноса, отражающих целую аксиологическую систему добродетелей, ядро которой составляют стремление к свободе, равному общению и взаимопониманию, великодушие, толерантность, гостеприимство:

«Тебя мы уважали, но дай и нам хотя бы раз подержать в руках огромное красное знамя – атрибут своей победы» [12, 281]

«Народ поверил джигиту: «Хорошо, молодец!» - и стал почитать джигита. «Ты, - сказал бай, - друг моего единственного светильника (так в тексте – А.А.), ты мне теперь то же, что и он, возьми половину моего скота и моих душ» [10, 32]

Но и в степи происходят резкие перемены, уходят в прошлое некоторые традиции, и наблюдатель заключает:

«Не лучше ли было оставить так, как они были прежде, природные настойчивость, их живой ум, гранитный оплот веры», – пишет Валиханов, подчеркивая основную идею о том, что «в историческом отношении поэтический дух народа замечателен! [12, 193] Далее концептуально важны итоги обращения к фольклору. Резюмируя, ученый выделяет следующее:

1. «Через удивительную память импровизаторов, все древние поэмы, воспевающие подвиги героев, многие из них по древности языка, по многим словам непонятны для нового поколения, и по историческим известиям о своих героях принадлежащие ко времени Золотой Орды, сохранились до нас без искажения;

2. Импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое;

3. Все эти поэмы в совокупности с обычаями, пословицами, поговорками и кодексом прав народных, составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения. Изумительно, с какой свежестью сохранили киргизы свои древние предания и поверья, и еще изумительнее, что во всех отдаленнейших концах степи, особенно стихотворные саги, передаются одинаково... Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников кочевий, безграмотной орды, тем не менее, это действительный факт, не подлежащий сомнению» [12, 194] Несомненно, это именно то ядро, которое заложено в генетической памяти казахов и передается от поколения к поколению. Таким образом, в трудах выдающегося сына казахского народа Чокана Чингизовича Валиханова фольклор выступил системообразующим

фактором – за спецификой и уникальностью устно-поэтических произведений, включенных в его исследовательскую концепцию, ученым выявлены закономерности, нравственные нормы, идеалы и фундаментальные ценности, хранившиеся из века в век в сокровищницах народной памяти.

Гениями казахского народа, Абаем Кунанбаевым и Чоканом Валихановым, были открыты миру знания и поведенческие стереотипы, нравственные нормы, идеалы красоты и духовности человека вольных степей, отражающие «самые непосредственные, а потому и самые фундаментальные представления о вечном порядке и гармонии мироздания». Родина, жизнь, свобода, традиции предков, семья, природа, труд, слава, творчество выполнили ориентирующую функцию, сливаясь при этом в упорядоченную общую систему ценностей, послуживших основой современной идеи "Мәңгілік Ел". «В настоящее время казахская духовность, испытавшая и выдержавшая все социально-экономические и политические потрясения XX века, нуждается в голосе гениальных сынов своей Родины, как мощном катализаторе возрождения высокого духа народа». [14,10]

Литература:

1. Патриотический акт "Мәңгілік ел"// URL: <http://www.kazpravda.kz/news/politika/patrioticheskii-akt--mangilik-el-polnii-tekst/>
2. Назарбаев Н.А. Доклад на торжественном собрании, посвященном Дню Независимости Республики Казахстан. – Астана, 15 декабря 2014 года
3. Послание народу Казахстана Президента РК Н. Назарбаева. 20 мая 2015 года// URL: https://strategy2050.kz/ru/page/message_text2014/
4. Кодар А. Зов бытия. – А., 2006.
5. Абай. Книга слов. Поэмы. – А., 1993
6. Абай. Стихи.– А., 1994
7. Sinclair J. Collins Cobuild English Language Dictionary. L., Glasgow: Collins. 1990.
8. Пекар В. О национальной идентичности. // URL: <http://www.pekar.in.ua/Identity.htm>
9. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект// Вопросы философии, 2005. – №10
10. Э. де Фрэде. Культура, цивилизация и идентичность // Полис. – 2012. – № 05. – С. 17-23.
11. Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература. – Алма-Ата, 1987; Азибаева Б.У. Ч.Ч.Валиханов – основоположник отечественной фольклористики. – Алматы, 2015; Сагындыкова Н. Ж. Ч.Ч. Валиханов «О формах казахской народной поэзии» // Вестник КазНУ, серия филологическая, 2013; Негимов С. Чокан Валиханов о жанровых формах казахской народной поэзии //

URL: http://www.rusnauka.com/12_EN_2008/Philologia/30723.doc.htm и др.

12. Валиханов, Чокан Чингисович (1835-1865). Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / / Изд. под ред. [и с предисл.] д. ч. Н.И. Веселовского. // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии; СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1904 . – выпуск XXXI – т.1
 13. Валиханов, Чокан Чингисович (1835-1865). Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Изд. под ред. [и с предисл.] д. ч. Н.И. Веселовского. // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии; СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1904 . - XXIX.
 14. Ахмедьяров К.К. Поэт национальный. // Национальный космос в контексте современной литературы Казахстана.– А., 2009.
-